

2. Сирик Л.В. Судебная речь в России и США: национально-культурная специфика (на примере речей из произведений Т. Драйзера, Х. Ли, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого), http://www.ssu.samara.ru/~rio/plat_6www/4_12.html#1, апрель 7, 2004.

3. Connor U. Argumentative Patterns in Student Essays: Cross-Cultural Differences / Writing across Languages: Analysis of L2 Text. Addison-Wesley Publishing Company, 1987. pp.57-71.

4. Brookes A., Grundy P. Writing for Study Purposes. Cambridge: University Press, 1990. pp.30-39.

5. Kubota R. Contrastive Rhetoric Revisited and Redefined. University of North Carolina at Chapel Hill, <http://www.utpjournals.com/product/cmlr/542/contrastive2.html>, апрель 5, 2004.

6. Eggington G.W. Writing Academic Discourse Korean: Implication for Effective Communication / Writing across Languages: Analysis of L2 Text. Addison-Wesley Publishing Company, 1987. pp. 153-168.

---

*Геращенко А.Е., начальник отдела по делам молодёжи
администрации Октябрьского района г.Витебска*

КАТАРСИС. ОЧИЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПОКАЯНИЕ В РОМАНЕ Ф.ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Катарсис (или по-русски – очищение) во многом является основой для целого ряда произведений искусства — будь то литература, живопись или музыка. Совершенно очевидно, что сам по себе катарсис предполагает именно небывалое и всепоглощающее движение духа, ибо без осознания этических и альтруистических ценностей очищение становится невозможным. Между тем сам по себе катарсис не происходит из одних лишь движений духа, сколь бы мощными и всеобъемлющими они не были, так как основой очищению души служит покаяние – осознание собственной неправоты и глубочайшее раскаяние. Здесь совершенно очевидно литература соприкасается с религией и само понятие покаяния почти тождественно. Слово «по-

«чи» я употребляю совершенно намеренно, так как всё же есть здесь и некоторые, не столь заметные на первый взгляд, различия.

Вся богатейшая русская классика как бы состоит из двух больших течений – разработки психологизма героев в их отношении к миру и другим людям и в разработке психологизма внутреннего, направленного на анализ собственного внутреннего мира, своей души. Первое, конечно же, наиболее ярко олицетворяет гений Льва Толстого. Второе – не менее значимый гений Фёдора Достоевского. Но если Толстой – олицетворение России витринной, более элитной и светской, то Достоевский в своём творчестве показал другую Россию – так сказать, Россию второго плана. В творчестве Толстого и Достоевского очень глубоко разработаны психологические портреты. И главная ценность этих портретов в том, что, соединяя несколько типичных черт представителей русского общества 19 века и Толстой, и Достоевский смогли создать яркие, запоминающиеся, но вместе с тем нетипичные образы, которые, тем не менее, написаны глубоко реалистично. Пьер Безухов, Наташа Ростова, Нехлюдов, Смердяков, Раскольников, старец Зосима – великолепнейшие и незабываемые образы. Но вместе с тем нетрудно заметить и значительную разницу в их разработке. Если Толстой анализирует психологические портреты своих персонажей, как внутренние проекции происходящих с ними событий, то Достоевский, наоборот, выводит всю логику поступков из психологического состояния своих героев. Правы и тот, и другой. Мы, благодаря этим двум гениям, можем взглянуть на 19 век как бы с двух сторон и это, несомненно, даёт нам возможность обрести полноту восприятия.

Герои Достоевского часто гораздо менее симпатичны, чем герои Толстого. В них много трагичности, надломленности, и их беды и несчастья обычно логически вытекают из их больных и искалеченных душ. Трагичность Толстого иная. Она не оставляет столь тяжёлого впечатления беспросветности, и читатель постоянно надеется, что всё наладится, если изменятся обстоятельства. Справедливости ради, стоит отметить, что в последние свои годы Толстой в своём творчестве сблизился с Достоевским – его «Воскресение» наполнено тем же провинциальным трагизмом, не броским, не столь масштабным. Но не менее интересным и реальным. Вместе с тем даже в «Воскресении» Толстой остаётся Толстым и его герои, и вся суть романа полностью направлены, буквально упираются в несправедливое построение общества. У Достоевского же сами социальные проблемы всё равно остаются, за редким исключением («Бедные люди») на втором плане, а, по сути, всё разворачивается вокруг внутренних побуждений и поисков человеческой души.

Последний роман Достоевского «Братья Карамазовы» очень по-

казателен в этом плане и всё в нём пропитано духом катарсиса и покаяния. Все сколько-нибудь заметные персонажи – старец Зосима, трое братьев Карамазовых, Грушенька, Екатерина – стремятся к катарсису, пытаются обрести духовное очищение, но далеко не все его обретают. Обилие персонажей и героев в романе вовсе не представляется какой-то хаотичной, перепутанной мозаикой. Наоборот, всё предельно логично и обоснованно и по прочтении романа возникает мысль, что без любого из своих персонажей «Братья Карамазовы» потеряли бы свою завершенность и красоту.

Общеизвестно, что изначально прототипом Дмитрия Карамазова был избран офицер Ильинский, обвинённый в убийстве отца и сидевший вместе с Достоевским в остроге, а затем выпущенный на свободу после того, как в убийстве сознался его младший брат [1 - стр.449, 2 - стр.69, 4 - стр.465]. Да и остальные персонажи и события написаны на основе реальных фактов, произошедших в Тобольске и иных местах, что само по себе примечательно. Именно поэтому само повествование потрясает своим реализмом и ощущением почти физической сопричастности к происходящему, что, видимо, было бы невозможным без той детализации, которую тщательно прописывал Достоевский, будь то быт или же чувства.

Роман начинается описанием беспутной и разгульной жизни старшего Карамазова – Фёдора Павловича. Его пьянство, скудость, чёрствость и эгоизм, совершенно необременительные для него самого в молодые годы, ударили по Фёдору Карамазову бумерангом в старости. Испытывавшие горести и лишённые материнской любви Дмитрий и Иван не любили своего отца, и сам старик это чувствовал и страдал, но, всё равно, будучи не в силах сдержаться, платил детям той же монетой. Из всех людей он любил лишь младшего сына Алёшу, потому что чувствовал его искреннюю любовь, но раздражался из-за этого, так как понимал, что этой сыновней любви не достоин. В страсти Фёдора Павловича к Грушеньке было бы неверно видеть лишь сладострастие стареющего сатира. Конечно, было и это, но всё же старик Карамазов понимал, что жизнь уходит и он никому не нужен. И это отравляло всё его существование. Возможность брака с Грушенькой стала для него единственным выходом и здесь его вражда с сыном, как явным соперником, приняла чрезвычайно уродливую форму. Закономерна и гибель старшего Карамазова от руки Смердякова – своего четвёртого, внебрачного сына. Так и не нашедший в себе сил к катарсису старик получает прощение читателя, приняв насильственную смерть, как возмездие за совершенные бесчинства.

Истинным убийцей был Смердяков. На первый взгляд, он – самый зловещий и неприятный персонаж, несмотря на свою убогость. Даже сама фамилия – Смердяков, вызывает отвращение. Но посмот-

рим на всё это с другой стороны – человек, по сути, является вечным лакеем своего собственного отца и своих же братьев, лишён всего, что есть у них, лишён матери и, даже, доброй памяти о ней. Что хорошего видел Смердяков от своих братьев и отца? И он, несомненно, зная о своём происхождении, чувствует в своём сердце всепожирающую ненависть и, видимо, строит различные планы мести. В конце концов, он убивает главного виновника своего рождения – отца Фёдора Павловича Карамазова и ворует деньги. Но это не приносит ему счастья. Смердяков возвращает деньги Ивану и вешается, не выдержав внутреннего напряжения собственной совести. Но полного катарсиса не происходит и у Смердякова. Почему он не сказал правду перед смертью? Потому, что ни один человек никогда не пожалел его и Смердяков, ослеплённый ненавистью и обидой на весь мир, вешается не потому, что ему жаль Дмитрия. Наоборот – он даже рад аресту Дмитрия и сумасшествию Ивана. Смердяков просто не может выдержать осознания того, что он – убийца. Самоубийство Смердякова вызывает сложные чувства и, в целом, возникает ощущение высшей справедливости того, что заканчивается жизнь, которой не должно было быть, странным образом смешивая у читателя чувство вины перед Смердяковым и облегчения от его ухода из жизни.

Не менее сложна по своему развитию (хотя и достаточно ярка по движению души) судьба старшего из братьев – Дмитрия Карамазова. Испытав лишения в детстве, он в юности превращается в любителя кутежей и разгульной жизни. Вся жизнь Дмитрия наполнена страстями. Здесь и огромная любовь, и подкупающие честность и искренность соединены в причудливую смесь вместе с ненасытной ненавистью к отцу, желанием его смерти. Дмитрий по-своему действительно убийца, так как совершил убийство мысленно, ибо желал его. И именно как наказание за это желание, принимает Дмитрий суд и приговор. Вот что пишет сам Достоевский о своём герое: «... он очищается сердцем и совестью под грозой несчастья и ложного обвинения. Принимает душой наказания не за то, что он сделал, а за то, что он был так безобразен, что мог и хотел сделать преступление, в котором ложно будет обвинён судебной ошибкой. Характер вполне русский: гром не грянет – мужик не перекрестится. Нравственное очищение его начинается уже во время нескольких часов предварительного следствия, на которое и предназначаю эту девятую книгу. Мне, как автору, это очень дорого» [5 - стр. 113, 4 - стр. 473].

Идейным стержнем романа, несомненно, является «Великий инквизитор» Ивана Карамазова. По сути – это манифест механического социализма и атеизма, направленный на возвеличивание и удовлетворение конкретных потребностей человека при почти полном игнорировании душевных переживаний и развития духа вообще. Иван

Карамазов – достаточно сложная и противоречивая личность. Человек, получивший блестящее образование и обладающий прекрасным интеллектом, по сути не находит своего места в обществе и увлекается новыми идеями социализма, только что начавшими проникать в Россию из Европы. Иван – предвестник нигилизма, не признающий и критикующий не только устои христианства, но и самой России. Несмотря на ряд справедливых моментов критики христианства «Великий инквизитор» по своей сути разрушитель и Достоевский на примере Ивана и его произведения показывает абсурдность отрицания духовности и попыток свести прогресс лишь к удовлетворению материальных потребностей человека. Попутно раздаётся критика христианства и, прежде всего, католичества, чьи идеологические ошибки во многом и спровоцировали появление «Великого инквизитора» и вообще грубого нигилизма в России в частности. Иван также желает смерти отца и, по сути, будучи в состоянии её предотвратить, ничего не делает для этого, ибо, как социалист, полагает, что имеет право на наследство, не особенно задумываясь о моральной стороне своих желаний. В идейном смысле убийцей отца является именно он. Арест Дмитрия выводит Ивана из равновесия, приведя к противоречию его эгоистический нигилизм и человеческие моральные нормы. Его сумасшествие – разрешение этого противоречия и расплата за безбожие. И именно в сумасшествии его очищение, так как именно сумасшествие Ивана и является лучшим подтверждением той духовной брани, которая развернулась в его душе и, по сути, привела к покаянию.

Женские персонажи романа выписаны не столь тщательно, однако образ Грушеньки очень ярк и содержателен. Ненавидящая дворян за их положение и титул, Грушенька, привыкшая к всеобщему вниманию, забавляется соперничеством Дмитрия и Фёдора Карамазовых. Ей, несомненно, льстит и то, что Дмитрий предпочёл её, простую девушку Грушеньку, дворянке Екатерине Ивановне. Сама же Грушенька не любит никого из них – её сердце принадлежит поляку. Поворотной точкой становится встреча Грушеньки с отставным польским офицером, её первой любовью. Глубочайшее разочарование зрелой женщины в том, кого она полюбила, будучи совсем девочкой, порождает в душе Грушеньки раскаяние в своём поведении и пробуждает чувства к Дмитрию. Всё это особенно усиливает арест Дмитрия и известие о том, что он обвиняется в убийстве отца. Грушенька справедливо считает себя ответственной за всё, что произошло, но, несмотря ни на что, верит Дмитрию, решив разделить с ним его судьбу.

Не очень значима по сюжетной линии, но вместе с тем весьма сильна сцена смерти и похорон Илюшечки Снегирёва. Эта сцена, по

сути, не имеет большой смысловой нагрузки для самого романа и направлена, прежде всего, для пробуждения раскаяния в душах читателей. Смерть ребёнка потрясает своей реалистичностью и, вместе с тем, силой переживаний. Мы вдруг с удивлением осознаём, что в мирке незаметных и незначимых людей могут происходить трагедии огромной силы. Несомненно, на Достоевского тяжёлое впечатление произвела смерть его собственного сына. Смерть сама по себе трагична, а смерть ребёнка – к тому же и нелепа по своей сути. Старик Снегирёв искренне скорбит о сыне, потеряв последнюю цель жизни. И мы уже не испытываем предубеждение к бедному и жалкому человеку. Наоборот, мы испытываем негодование по отношению к обществу, которое довело Снегирёва до такого состояния. Это понимают и дети и их раскаяние также реально и весьма осознанно.

В романе очень немного явно положительных персонажей, служащих примером для читателя. Это, конечно же, старец Зосима и младший Карамазов – Алёша. Старец Зосима, благодаря потрясению от смерти брата, однажды понимает, что возможность слышать пение птиц и шум листьев гораздо важнее пагубных мирских страстей и уходит в религию, будучи не в силах иным способом разрешить свою внутреннюю проблему ответственности за благополучие не только людей, но и любого живого существа. Посредством старца Зосимы (имевшего реального исторического прототипа) Достоевский высказывает собственные мысли. Вот что он пишет по этому поводу: «Само собой, что многое из поучений моего старца Зосимы (или, лучше сказать, способ их выражения) принадлежит лицу его, то есть художественному изображению его. Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает, но если б лично от себя выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком... Взял я лицо и фигуру из древнерусских иноков и святителей. При глубоком смирении надежды беспредельные, наивные о будущем России, о нравственном и даже политическом её предназначении» [5 - стр.109, 4 - стр.472].

Последнее уточнение о «наивности» особенно важно для понимания и образа Алёши, и всей идеи романа в целом. Алексей Карамазов – ученик Зосимы, его продолжатель. Но он слишком наивен и Зосима сознательно отправляет его в мир, справедливо полагая, что внутренне Алёша пока не готов к монашескому подвигу. Огромное впечатление на Алёшу произвело погребение Зосимы и злопыхательство ряда священнослужителей по поводу «тлетворного духа» Алёшу поражает не столько сам факт появления «тлетворного духа», сколько поведение священнослужителей, на поверку оказавшихся недалёкими фанатиками. И здесь Алёша понимает, что сама система церкви и старец Зосима – далеко не одно и то же. И Алёша сознательно уходит в мир, желая укрепить свою веру и не смущать её несправед-

ливостью священнослужителей. Именно этот синтез православия и грядущей религиозной общественной этики Достоевский пытается представить, как альтернативу бездуховному механистическому социализму Ивана.

Но сам писатель предчувствует, что будущее не за Алёшей – оно за Иваном. Не сейчас, так позже. И именно в этом весь апофеоз русской трагедии. Идеи Ивана пугают своей фатальной стройностью, и даже Алёша не может найти достойный ответ, потеряв своего учителя. В этом и состоит главная идея романа.

Вот что пишет сам Достоевский: «Треснули основы общества под революцией реформ, замутилось море. Исчезли и стёрлись границы добра и зла. ... теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых по тому же нет), в разложении семейного начала. Если есть убеждения страстные – то только разрушительные (социализм). Нравственных идей не имеется, вдруг ни одной не осталось и главное с таким видом говорит он, что как будто их никогда и не было» [3 - стр.19, 4 - стр.477].

Достоевский зовёт нас всех к покаянию и очищению, предчувствуя надвигающийся хаос и гибель России, продолжающуюся по сей день. Его слова сейчас актуальны, как никогда. Мы всё так же, как и герои «Братьев Карамазовых», живём страстями и бездуховными побуждениями, думая не о покаянии и очищении, а о корыстных мирских сиюминутных целях. И именно поэтому роман до сих пор, по сути, не прочитан, хотя содержит страшное пророчество: без покаяния и очищения, без торжества идей о первостепенности духа русский мир (да и мир вообще) обречён на заклание всепожирающему и всеуничтожающему Молоху. Очищение и покаяние неминуемо состоятся, но горько, если оно произойдёт только самой нашей гибелью.

Литература:

1. Исторический вестник, 1985, т LXII, №11.
2. Л.П.Гроссман, Семинарий по Достоевскому, М.Пг. 1923.
3. Ф.М.Достоевский «Братья Карамазовы», М. 1935, т.1.
4. Ф.М.Достоевский «Братья Карамазовы», примечания (под общей ред. Л.П.Гроссмана), соб. соч. в 10 томах, т.10, госиздательство худож. литературы, М. 1958
5. «Былое», 1919, №15.
6. Ф.М.Достоевский «Братья Карамазовы», соб. соч. в 15 томах, т9, т.10, «Наука», Ленинградское отделение, Л. 1991.